

I ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ

К середине девятнадцатого века тот динамизм в развитии страны, который Петр Великий задал своими реформами, иссяк. Трон, прежде игравший роль поборника нововведений, давно уже превратился в опору традиций и порядка. Критиков системы, если они добровольно не самоустраивались от активной деятельности, вынуждали повиноваться или отправляли в тюрьмы. Частые бунты крестьян, свидетельствовавшие о росте недовольства в деревне, неизменно подавлялись. Желавшие перемен режима были бессильны. Власти, в свою очередь, стремились создавать видимость того, что все хорошо в этом лучшем из миров. Затем Россия потерпела поражение в Крымской войне (1853—56) от более развитых противников — Великобритании и Франции. Это унижающее военное поражение выявило банкротство режима, который Николай I (1825—1855) столь упорно стремился сохранить. Смерть царя, совпавшая с военным разгромом, наконец дала России возможность сдвинуться в своем развитии с мертвой точки.

Новый царь Александр II (1855—1881) начал широкую программу реформ, направленных на модернизацию России. Главной из них стала отмена крепостного права в 1861 году — шаг, рассчитанный на восстановление порядка внутри страны и стимулирование экономического развития*. Надежды возлагались на то, что решение этих проблем будет способствовать восстановлению могущества России и ее международного престижа. Александр II не был радикалом, и его программа ограниченных реформ сохраняла неизменно институт самодержавия. И он, и его соратники, безусловно, учитывали интересы помещичьего дворянства — главной социальной опоры престола. Необходимо было как-то сочетать преемственность и перемены, охранительность и модернизацию. Время, однако, показало, что даже эти реформы

* Другие реформы смягчили цензуру печати, создали институты местного самоуправления (земства), либерализовали судебную и военную ветви государственного аппарата и содействовали развитию образования.

были несовместимы с сохранением старой структуры власти. Начатый процесс перемен вышел из-под контроля и породил явления, грозившие самодержавию той же судьбой, что постигла систему крепостного права.

Крестьянин, освобожденный по Указу от личной зависимости помещику, все еще оставался гражданином второго сорта, лишенным права выбора места жительства и занятий, привязанным к деревенской общине по закону и обязанным брать тот земельный надел, который ему предлагали. Получаемая им, по решению местных помещиков, земля обыкновенно была плохого качества, предоставлялась по завышенной цене, а величина надела не могла обеспечить потребностей в ней. Высокий уровень рождаемости в последние десятилетия девятнадцатого века, рост налогового бремени на крестьянство еще более уменьшил подушный надел. Таким образом, за несколько десятилетий после «Освобождения» материальное благосостояние большинства населения снизилось. Плодородные земли, оставшиеся в собственности дворянства и государства, возбуждали зависть жаждущих земли крестьян, убежденных в том, что она должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Впоследствии по деревням вспыхнули крестьянские бунты, окончательно доказавшие, что «Царь-Освободитель» крестьянский вопрос не решил.

Несмотря на выгоды, приобретенные дворянством в результате отмены крепостного права, его положение было немногим лучше. В целом, помещики сохранили половину — ее наиболее плодородную — принадлежавших им ранее земель, а также получили щедрую компенсацию за отданную долю. Безусловно, они лишились собственной рабочей силы, средств для возделывания земли, но и этот ущерб был поправим. Главное, чего помещикам не хватало, так это навыков работы, опыта ведения хозяйства, инициативы и гибкости, столь необходимых для приобретения первого и второго. Крах старой аграрной системы впервые отдал дворянство во власть экономической стихии. Большинство помещиков, будучи не в силах понять новый экономический порядок или противиться его воздействию, последовали, хотя и различными путями, той модели упадка и разрушения, которую столь блистательно воспроизвел А. П. Чехов в пьесе «Вишневый сад».

* Земля передавалась общинам, которые, в свою очередь, распределяли ее между крестьянами. Правом на землю владели не отдельные крестьяне, а организация — община.

Вместе с тем оказалось, что реформы Александра II расширили возможности географической и социальной мобильности*, создали свободный рынок труда и открыли новые горизонты для экономической инициативы. Государственная поддержка строительства железных дорог и создания кредитных учреждений подстегнула темпы развития рыночной экономики. Доля промышленности с 1880 года начала расти. Появились новые отрасли производства; увеличился масштаб их деятельности; пульс экономической жизни ускорился. Из недр старого, полуфеодалного порядка возникала капиталистическая экономика, обещающая преобразить общественную структуру, и даже, возможно, политическое устройство России.

Увеличилось число городов, и городское население России достигло беспрецедентных размеров**. С развитием современной промышленной экономики возросло значение буржуазии. Политика царского правительства благоприятствовала ее интересам. Однако в социальном и политическом отношении класс капиталистов был еще намного слабее, чем в Англии, Франции или Соединенных Штатах. Вопрос состоял в том, станет ли он бесконечно довольствоваться таким подчиненным положением.

Наделяя крестьян землей, архитекторы реформы надеялись предотвратить подъем промышленного пролетариата и сопутствующую ему бурную классовую борьбу. Однако переизбыток населения в деревне и нужда вскоре вынудили значительную часть крестьян искать работу в городах. Хотя часто они сохраняли глубокие корни на селе, с течением времени многие превратились в промышленных рабочих-пролетариев. Как и во всех других странах на ранних стадиях промышленной революции, условия труда и жизни фабричных рабочих в России были ужасны. Почти не существовало социального законодательства, и, кроме того, рабочим запрещалось создавать профессиональные союзы, способные их защитить. При таких обстоятельствах тиснетно было надеяться избежать классовой борьбы. В 1870-х годах в ряде крупных промышленных центров начались серьезные волнения рабочих. Уже тогда, а впоследствии еще более, российские революционеры имели в пролетарской среде сочувствующую аудиторию.

* Ограничения относительно передвижения крестьян постепенно смягчались.

** Тем не менее, еще к началу Первой мировой войны население России оставалось преимущественно сельским.

Революционерами становились, в основном, выходя из рядов интеллигенции¹. В западном обществе нет точного соответствия этой общественной группе; но, как ни странно, она сама явилась следствием влияния Запада на Россию. Интеллигенция была продуктом культурных контактов двух несхожих цивилизаций, особенно активизировавшихся после эпохи Петра. Именно с тех пор традиционное и жестко разделенное общество России начало подвергаться воздействию тех светских динамичных идеологий, которые одна за другой возникали на Западе. Прогрессивные политические и общественные идеи в восемнадцатом веке имели еще немного последователей, но их было значительно больше в веке девятнадцатом, среди блестящих представителей которого были А. И. Герцен и В. Г. Белинский. Анализируя жизнь России с позиции западных ценностей, интеллигенция находила ее варварской. Осуществление стремлений этого слоя общества требовало коренного пересмотра основ жизни страны. Но, поскольку идеалы эти были взяты из совершенно иной социальной среды, она столкнулась не только с мощью государственного репрессивного аппарата, но и с непониманием простого народа, чьим интересам хотела служить. Революционеров не обескураживали неудачи, они упорно стремились постичь «алгебру революции» — такое сочетание идей и сил, которое превратит их мечты в реальность.

За десятилетия, прошедшие после отмены крепостного права, сила интеллигенции возросла. Так как модернизация России требовала увеличения числа профессионалов — педагогов и инженеров, юристов и врачей, управляющих и технических работников — в высшие учебные заведения устремились потоки студентов². Радикальная мысль, сохраненная в университетах первыми поколениями студентов, не проявляла тенденции к исчезновению и во время царствования Александра II. Нововведения царя не отвечали идеалам интеллигенции, а кроме того, не обеспечивали правовых возможностей их реализации. Откат к реакции после покушения на Александра II в 1866 году усилил отчуждение интеллигенции и стимулировал оппозиционную деятельность. Она всячески привлекала на свою сторону образованную молодежь, имевшую сходные убеждения, и новички из университетов пополняли революционные ряды. Среди них был и Георгий Валентинович Плеханов.

Георгий родился 29 ноября 1856 года* в Гудаловке — деревне Тамбовской губернии Центральной России. Его отец, Валентин Петрович

* Все даты в книге даны по старому стилю.

Плеханов, местный помещик, происходил из татарского рода³. Перед тем, как выйти в отставку для управления своим поместьем, Валентин Петрович служил в армии, участвуя в Крымской войне и подавлении Польского восстания в 1863 году. Один из братьев В. П. Плеханова тоже был армейским офицером, а другой — начальником полицейского округа в Тамбовской губернии. В следующем поколении — три старших брата Георгия также служили в армии, и сам он первоначально намеревался избрать ту же профессию. Будущий революционер происходил из семьи, в которой традиции служения российскому государству были почетны.

По уровню доходов Валентин Петрович Плеханов принадлежал к обедневшему слою поместного дворянства. В наследство он получил около 100 десятин земли и около пятидесяти душ крепостных. Приданое первой жены увеличило его состояние вдвое⁴, но в 1858 году семейные нужды (в семье было уже двенадцать детей) вынудили его продать ту часть, которую он получил в качестве приданого жены. Еще через три года освобождение крестьян обострило финансовый кризис, лишив помещика привычного источника рабочей силы и вдвое уменьшив его состояние. В течение десяти лет Плеханов-старший пытался вести остатки своего хозяйства с помощью наемных работников, но в 1871 году оставил эти попытки и занял административный пост в одном из вновь созданных земских учреждений⁵. Два года спустя он умер, и его жена избавилась от большей части земельной собственности. История материального положения семьи Плехановых в эти годы точно отразила судьбу многих мелкопоместных дворян, с тем лишь исключением, что Валентин Петрович добросовестно старался эффективно распоряжаться своей землей.

Несмотря на то, что ему не удалось преуспеть при старом порядке, Валентин Петрович оставался стойким противником реформ 1861 года. Он считал, что крепостное право соответствует естественной иерархии, в которой те, кто того достоин, управляют деятельностью основного большинства людей, неспособных к ведению собственных

³ Бережанский А. С. Новое о семье, в которой рос Г. В. Плеханов // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 156.— Прим. ред.

⁴ Гражданская служба В. П. Плеханова продолжалась с перерывами с 1838 по 1849 гг. (ГАТО. Ф. 161. Оп. 3. № 153. Л. 20, 20 об.; Бережанский А. С. Новые страницы биографии Г. В. Плеханова // Плехановские чтения. IV: Тез. докл. / РНБ; Дом Плеханова. СПб., 1996. С. 93).— Прим. ред.

дел. Мало разбирался в общегосударственных и общенациональных проблемах, он так и не простил Александру II изменения этого, якобы естественного, порядка жизни общества. Валентин Петрович гордился своим дворянским происхождением и военным званием и глубоко переживал утрату связанных с ними привилегий. Ему было бы приятно узнать, как верны оказались его предсказания (при абсолютно неверных посылках) о том, что царские «новшества» пойдут лишь во вред и помещикам, и крестьянам.

И дети, и бывшие крепостные вспоминали старшего Плеханова как человека сурового, вспыльчивого, а частенько и неистового⁴. Кроме того, он принадлежал к тому типу людей, которые постоянно стремятся влиять на характер своих детей, и некоторые его ценности стали частью натуры Георгия. Человек военный, В. П. Плеханов придавал огромное значение мужеству и смелости. Рассказывали, как отец посадил пятилетнего Георгия на строптивую лошадь, дал ему в руки поводья и пустил лошадь вскачь, крикнув мальчику держаться крепче. Георгий выдержал испытание, и это не единственная история о его отваге. Так же решительно, как он занялся управлением собственным помещьем, Валентин Петрович поставил себе задачу воспитать детей уверенными в себе, независимыми и активными в жизни. Он учил их не просить слуг о том, что они в состоянии сделать сами. Он не выносил праздности и часто повторял: «Отдохнем, когда умрем». Плеханов хорошо усвоил отцовские уроки. Физическое мужество и способность сохранять хладнокровие перед лицом опасности сослужили ему хорошую службу в начале революционного пути. В зрелом возрасте, он доказал свою способность не только твердо стоять на ногах, но, если нужно, стоять в одиночку. Энергия, которую Валентин Петрович вкладывал в управление помещьем, нашла более чем достойное применение в преданности Георгия революционному движению. Подобно отцу, он был человеком откровенным и гордым, но замкнутым и сдержанным. (В воспоминаниях соратников по борьбе он постоянно характеризуется как человек, внушавший благоговейный трепет, суровый и неприступный; примечательно, что за всю жизнь у него было мало близких друзей.)

⁴ Одна из его дочерей говорила, что он напоминал ей старого князя Болконского из «Войны и мира», прозванного «пруссаким королем» и жившего в поместье под названием Лысье Горы (Полднякова-Плеханова В. В. Детство и отрочество Г. В. Плеханова // ГОТ. Т. I. С. 84—85).

В годы зрелости Плеханов весьма гордился тем, что его мать состояла в отдаленном родстве со знаменитым революционным критиком Белинским⁴. Мария Федоровна, дочь обедневшего дворянина, служила гувернанткой, когда познакомилась с Валентином Петровичем Плехановым. Валентин Петрович был тогда вдовцом сорока пяти лет, с семьей детьми на руках; Марии было двадцать два года. Сватовство было недолгим, и они поженились в 1855 году. Георгий был первым из их пятерых детей.

Мария — кроткая, скромная и нежная девушка, терпела унижения и обиды от мачехи, и, быть может, поэтому всегда готова была сочувствовать страданиям других. Более полувека спустя бывшие крепостные вспоминали ее с любовью и благодарностью. Она училась в Тамбовском Александровском институте на казенный счет и считалась очень способной. Педагоги жалели, что девушке не удалось пройти полный курс обучения, в то время недоступный женщинам в России. Выйдя замуж, Мария Федоровна занялась начальным образованием своих приемных детей, а затем и собственных. После смерти мужа в 1873 году она на некоторое время стала учительницей, чтобы обеспечить содержание своих младших детей.

Отношения Марии Федоровны с первенцем были особенно теплыми. Она поощряла развитие его явных недюжинных способностей, сначала рассказывая ему сказки, а затем рано научив читать. Георгий поглощал книги из семейной библиотеки в основном на военные темы. Отец, несколько озадаченный пристрастием сына к книгам, заставлял его побольше двигаться. Считалось, и до некоторой степени это верно, что плехановским «первым учителем в революции, несомненно, была его мать»⁴. Мария Федоровна едва ли была революционеркой по духу; однако большое значение имели ее альтруизм и страсть к справедливости, которые она привила сыну. Возможно, силу характера Георгий унаследовал от отца, однако именно те моральные принципы, которые он перенимал от матери, помогли ему понять зло политической и общественной жизни в России и вывели его на борьбу с ним.

Формально образование Георгия началось только в 1868 году, когда, в возрасте двенадцати лет, он поступил во второй класс Воро-

⁴ Факт родства рода Бельских, из которого происходила Мария Федоровна, и Белинских опровергается последними исследованиями ряда специалистов (см., например: Жучков В. П. Были ли родственниками Мария Федоровна Плеханова и Виссарион Григорьевич Белинский // Плехановские чтения. IV. С. 100—103).— Прим. ред.

нежской военной гимназии. Чтобы добиться от отца разрешения на учебу в гимназии Георгий выказал ту силу воли, которую Валентин Петрович так настойчиво в нем воспитывал. Отец хотел, чтобы Георгий избрал гражданское поприще, предоставлявшее, по его мнению, больше возможностей, чем служба в армии. Но Георгий твердо решил стать офицером, и отец в конце концов уступил, втайне, быть может, довольный упорством и решимостью сына.

Плеханов учился в гимназии с 1868 по 1873 год. Его любили и уважали в классе, а наличие ряда прекрасных педагогов стимулировало развитие его интеллектуальных и моральных качеств. Мать впоследствии винила гимназических вольнодумцев за уход сына в революцию⁵. Для этого были некоторые основания. В начале 1860-х годов, когда либерализм набирал силу, Военное ведомство оказалось под началом реформатора Д. А. Милютина. Одним из результатов его деятельности стала либерализация внутренней жизни военных училищ. Делался меньший упор на дисциплину, расширялись программы, нанимались способные педагоги, более или менее независимых политических убеждений. Среди выдающихся преподавателей гимназии, учивших Плеханова, был и историк М. Ф. де Пуле, и известный сторонник либеральных педагогических идей Н. Ф. Бунаков.

Бунаков не был революционером, но сочувствовал оппозиционным движениям и когда-то был уволен из Вологодской гимназии за передовые политические взгляды. Он проповедывал возвышенную концепцию предназначения педагога и считал, что образование должно быть всеобщим и обязательным. В 1870-х годах Бунаков активно пропагандировал свои взгляды в печати и среди коллег-педагогов. Кроме того, Николай Федорович много работал в учреждениях образования для взрослых и участвовал в создании первого крестьянского театра в России⁷. Через сорок лет после учебы в Воронеже Плеханов писал о Бунакове: «У меня был выдающийся преподаватель русского языка. Я обязан ему весьма многим. Он привил мне любовь к словесности, приучил говорить и писать правильно, определенно, ясно и просто»⁸. Бунаков помог Плеханову раскрыть свои способности к литературному творчеству. Говорят, что прочитав одно из его сочинений, он сказал мальчику: «Плеханов, вы станете большим писателем». Веро-

⁵ Деятельность Бунакова закончилась во время репрессий 1880-х годов, а в 1903 году, после публичного выступления в защиту гражданских свобод, он был сослан (Мельский Д. История русской педагогики. М., 1938. С. 278—282).

итно, именно Бунаков познакомил Плеханова с творчеством Белинского, Чернышевского и Добролюбова — великой триады радикальной литературной критики России, таким образом введя юношу в мир идей, владевших интеллигенцией. Чернышевский произвел на Плеханова столь сильное впечатление, что в 1881 году он назвал его и Маркса писателями, более всех других способствовавшими его умственно-развитию*.

Возможно, самое существенное из того, что передал Бунаков своим ученикам, было чувство ответственности перед русским народом. Это особенно явствует из описания одного волнующего события периода учебы Плеханова, о котором он вспоминал много лет спустя. Когда в 1870 году, в связи с усилением консерватизма государственной политики, в гимназию был назначен новый, реакционный директор, учащиеся стали собираться в своих комнатах по вечерам для тайного чтения запрещенных произведений радикальных писателей. Плеханов вспоминал, как однажды вечером, на последнем курсе гимназии, собралась одна такая группа, чтобы декламировать стихи знаменитого революционного поэта Николая Алексеевича Некрасова:

«Едва мы кончили „Железную дорогу“, раздался сигнал, звавший нас на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейтгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: „Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!“ Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память...»⁷.

Поэма «Железная дорога» полна сочувствия к страданиям народа. В ней говорится о труде и жертвах, боли и смерти, о рабочих, строящих

* Действительно, Плеханов писал Г. В. Плеханову к П. Л. Лаврову // *Дела и дни*. 1921. № 2. С. 86. Плеханов сделал это признание в письме к Лаврову, которого он, наряду с Марксом и Чернышевским, включил в число своих «любимых авторов». Я полагаю, что Лавров оказал на Плеханова менее сильное влияние, нежели Маркс или Чернышевский, и в данном случае упоминание его имени следует рассматривать скорее как знак признательности Плеханова за огромную помощь, оказанную ему Лавровым в начале 1880-х годов. В середине восьмидесятых Плеханов прямо указывал, чем он обязан Чернышевскому: «Мое собственное умственное развитие совершилось под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной жизни...» (Плеханов Г. В. *Соч.* Т. 6. С. 382).

железную дорогу; язык поэмы создавал у читателя ощущение причастности к делу прогресса и жизни народа:

«Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.
Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Все претерпели мы, божи ратники,
Мирные дети труда!
Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Все ли нас, бедных, добром поминаете,
Или забыли давно?...»⁸.

Мать воспитала Плеханова в православной вере, но в гимназии, в атмосфере вольнодумства, он порвал с традиционной религией. Характерно, что юноша не замедлил высказать новые убеждения. Скоро он стал задавать пытливые вопросы священнику, преподававшему закон божий, на которые тот поначалу охотно отвечал. Слухи об этом распространились, и ученики повалили на занятия, на которые прежде почти не ходили, чтобы послушать состязания в остроумии. Но священника встревожила направленность этих вопросов, при которой подвергались сомнению такие вещи, которые полагалось принимать на веру, и через четыре или пять занятий он положил этим турнирам конец, сказав: «Нет, молодой человек, оставим эти диспуты, иначе уроки закона Божия превратятся у нас в уроки безбожия»⁹.

Отличившись в науках в первые годы пребывания в гимназии, Плеханов стал хуже успевать в старших классах, а на выпускных экзаменах был только десятым из двадцати прошедших испытания. Он получил высший балл по географии, «очень хорошо» — по Священному Писанию, французскому и истории и «посредственно» — по другим предметам, включая экзамены по точным и естественным наукам. Плеханов, среди шести—семи других одноклассников, получил низший балл за поведение. По-видимому, как посредственные отметки по учебным предметам, так и низкая отметка по поведению, были результатом отсутствия интереса к носившим весьма формальный характер школь-

ным занятиям и предпочтения, которое отдавал он чтению литературы вне программы.

В 1873 году, после окончания гимназии, Плеханов зачисляется в Константиновское военное училище в Санкт-Петербурге. Ему было семнадцать лет, и явно революционером он еще не был. Сочувствие народу и неверие в Бога еще не казались несовместимыми с военной карьерой на службе государству российскому. Однако, почва уже была подготовлена, и его аполитичность сохранялась в столице лишь в течение полугода. По мере того, как все большая часть времени уделялась Плехановым изучению русской литературы и литературной критики и размышлениям над вопросами, возникавшими в процессе чтения и обретения жизненного опыта, интерес к военной науке и муштре угасал. В эти месяцы он часто встречался со своим сводным братом Митрофаном — офицером, закончившим Академию Генерального Штаба и служившим в столице. В обществе Митрофана и его друзей Георгий открыто обсуждал один из главных для себя вопросов: в чем истинный долг человека, в верности Царю или в верности своей стране?¹⁰ Если он пойдет на военную службу, как это сделали многие члены его семьи, то ему могут приказать действовать вопреки благу русского народа. Может ли он с чистой совестью забыть о своей ответственности перед русским народом и служить Царю? Он решил, что это невозможно, и ушел из Константиновского училища после первого же семестра. В начале 1874 года Плеханов подал прошение об отсрочке военной службы, которое было удовлетворено, и начал готовиться к вступительным экзаменам в Горный Институт в Санкт-Петербурге.

Этот шаг Плеханова не был решением о вступлении на революционное поприще; не был он, как утверждали, и «кающимся дворянином»¹¹. Его поведение летом 1874 года, которое он провел с матерью в поместье Гудаловка, свидетельствовало о прогрессивных убеждениях, но не о том, что он был уже готовым революционером. После смерти мужа в 1873 году Мария Федоровна вернулась в Гудаловку в надежде управлять поместьем самостоятельно. При том, что оно было небольшим, это оказалось невозможным, и она решила наконец продать все, за исключением пятнадцати десятин. Гудаловские крестьяне хотели купить землю, но один зажиточный купец предлагал больше, и Мария Федоровна, несмотря на сочувствие крестьянам, уже готова была уступить ее купцу, когда явился Георгий. Он пришел в ярость, узнав о предстоящей сделке, и пригрозил поджечь купеческий склад и

явиться с повинной к властям, если мать продаст землю «чужаку», а не «нашим крестьянам». Зная его характер, Мария Федоровна сдалась¹².

В ответ на эту демонстрацию доброй воли крестьяне вскоре после этого сожгли усадьбу Плехановых, очевидно полагая, что земля не может принадлежать им по-настоящему, пока на ней стоит помещицкий дом¹³. Плехановское убеждение относительно иррационализма крестьянства (впоследствии, один из основных элементов его мировоззрения), возможно, частично зародилось во время этих событий.

Знаменитый русский анархист Кропоткин, классический образец «кающегося дворянина», описывает в своих мемуарах психологию этого типа. О жажде научных знаний он пишет: «Но какое право имел я на все эти высшие радости, когда вокруг меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба? Когда все, истраченное мною, чтобы жить в мире высоких духовных движений, неизбежно должно быть вырвано из рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей?»¹⁴. Переход Плеханова от военной службы к карьере горного инженера не свидетельствует о тех покаянных чувствах, которые описывает Кропоткин. Любопытно, однако, что Плеханов, при своей средней успеваемости в точных и естественных науках, выбрал не филологию и литературу или общественные науки, где его интересы и таланты уже проявились достаточно ярко, а горное дело. Этот выбор, несомненно, объясняется особенностями радикального духа России шестидесятых — начала семидесятых годов, с его пристрастием к утилитаризму, позитивизму, материализму и точным и естественным наукам. Тургеневский ниглист Базаров был врачом и ученым-любителем. Лопухов и Кирсанов — два героя романа Чернышевского «Что делать?» посвятили себя благу народа, но при этом более всего интересовались прогрессом науки. Вера Павловна — героиня того же произведения, организует мастерскую в духе социалистических принципов, а затем начинает изучать медицину. Чернышевский не видел противоречия между приобретением знаний и служением народу; в самом деле, наука казалась лишь одним из наиболее вероятных путей повышения благосостояния народа. Такая формулировка, вероятно, была особенно привлекательна для молодого человека с сильно развитыми интеллектуальными запросами. А поскольку естественные науки были связаны с позитивизмом и материализмом и внешне казались более необходимыми, то и статус они имели гораздо более высокий, нежели литература или общественные науки.

Соображения примерно такого рода, безусловно, руководствовались Плеханов при переходе от науки военной к наукам естественным и из Константиновского училища — в Горный Институт, кстати, теперь носящий его имя. Однако в институте он проучился всего два года и вышел из него не горным инженером, а стойким и подающим надежды революционером.

